

было наметить главные моменты ее исторического развития. Значение сношений с Византией особенно отчетливо выявляется в очерке «Дипломатия Киевской Руси». Другой характерный момент, выступающий в этом очерке,—наличие широких международных связей Киевской Руси не только с Византией, но и с западными и северными странами. Помимо Византии и Киевской Руси, в этой главе охарактеризована дипломатия арабов, папы и франкского государства.

Из сказанного видно, какой обширный материал содержат рассмотренные главы «Истории дипломатии». В очень доступной форме в них изложены главные факты по истории дипломатии древних и средних веков. Дипломатия нового времени имеет необходимые предпосылки в дипломатии этих отдаленных периодов. Изучая развитие дипломатических сношений, читатель получает отчетливое представление об их формах и истории в связи с историей всего общества и о закономерности и преемственности исторического процесса.

К. Зельин

**ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ.** Под редакцией Г. Ф. Александрова, Б. Э. Быховского, М. Б. Митина, П. Ф. Юдина. Том I. *Философия античного и феодального общества.* Политиздат, 1940.

Издание истории философии в семи томах, предпринятое Институтом философии АН СССР,—один из показателей роста марксистской науки, вдохновляемой и направляемой гениальными работами товарища Сталина, неустанной заботой партии и правительства, расцветом социалистической культуры. Вышедший пока первый том «Истории философии» свидетельствует о зрелости марксистской философской мысли, об уверенности авторов в своих силах, о способности поднять и решить задачи большой важности.

История философии имеет огромное воспитательное и познавательное значение. Нельзя овладеть диалектическим материализмом без знания истории философии, так как философия марксизма-ленинизма создавалась и развивается исторически в неустанной борьбе с враждебными идейными течениями. Говоря о современном материализме, Энгельс писал, что он «представляет собой не простое воскрешение старого материализма, а к прочным основам последнего присоединяет еще все идейное содержание двухтысячелетнего развития философии и естествознания, как и самой этой двухтысячелетней истории»<sup>1</sup>. Учение Маркса «возникло как прямое и непосредственное продолжение учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма»<sup>2</sup>. Понятно поэтому, что основоположники марксизма-ленинизма постоянно изучали историю философии. «Философские тетради» Ленина показывают нам, какие глубокие и гениальные идеи возникали у Ленина в процессе его работы над историей философии.

История философии до сих пор была монополией буржуазных философов идеалистического лагеря. Они не только неспособны были дать правильное, подлинно научное изложение истории философии, но и сознательно ее искажали. Ведь философия—партийна; буржуазные историки философии стремятся исказить, принизить материализм и пропагандируют идеализм. Так, «История материализма» Ф. А. Ланге представляет собою в сущности критику материализма с позиций неокантианства. В этом отношении не составляет исключения и Гегель, о котором Ленин пишет: «Мистик-идеалист-спиритуалист Гегель (как и вся казенная, поповско-идеалистическая философия нашего времени) превозносит и жует мистику-идеализм в истории философии, игнорируя и небрежно третируя материализм. Ср. Гегель о Демокрите—ничего!! О Платоне тьма размазни мистической»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1938, стр. 144.

<sup>2</sup> Ленин, Соч., т. XVI, стр. 349.

<sup>3</sup> Ленин, Философские тетради, стр. 287.

Перед авторами I тома «Истории философии» стояла трудная задача—дать не простое описание античных философских систем и школ, не классификацию их по формальным признакам, а марксистскую историю античной философии, ее возникновения, развития и упадка в конкретных исторических условиях, на базе рабовладельческой экономики, показать борьбу материализма и идеализма, «тенденций или линий Платона и Демокрита в философии» (Ленин). Эта задача определила характер, содержание и построение I тома «Истории философии».

Первая греческая философская школа—милетская—появилась в VI в. Это был бурный период истории Греции, когда в результате ряда революций были ликвидированы остатки первобытно-общинного строя общества. Религиозное мифологическое миропонимание уступает место наивному, но трезвому материализму. «Основной предпосылкой, из которой исходили милетцы в своем учении о природе, было признание объективного существования реального мира—материи, находящейся в вечном движении» (стр. 28). В «Истории» подчеркиваются прогрессивные черты философии милетцев—материализм, зародыши диалектики. Понятно, ионийцы не могли выйти за те пределы, которые ставила им эпоха, и Фалес, например, по свидетельству Аристотеля, утверждал, что «все полно богов» (πάντα πλήρη θεῶν), но не эти детские болезни определяют историческое значение ионийской школы. Напротив, было бы странно ожидать, чтобы Фалес или Анаксимен давали отчетливые материалистические формулировки своих материалистических воззрений. Вполне естественно, что Анаксимаандр облекает свои мысли о развитии материи в теологическую форму; вещи возникают и разрушаются, по Анаксимандру, потому, что «они за свою нечестивость несут наказание и получают возмездие друг от друга в установленное время». Такая терминология, как εἰμαρμένη (рок) у Гераклита или «вражда» и «дружба» у Эмпедокла.—лишь внешние элементы, которые не должны заслонять материалистической сущности их учения. Надо еще принять во внимание, что первые философы излагали свои воззрения большей частью в поэтической форме и писали в стихах.

Последовательно и стройно изложена философская система «одного из основоположников стихийной диалектики» — Гераклита. «Громадное историческое значение Гераклита определяется его концепцией развития материи» (стр. 49). Диалектика Гераклита вскрывается не только в его космологических и физических воззрениях, но и в его гносеологии. «Признание внутренней противоречивости бытия, вечно переходящего из одной противоположности в другую, завершается как своим естественным следствием диалектикой единого и многого, учением о единстве всех космических противоположностей» (стр. 61).

В учении элейской школы также вскрывается материализм, но материализм «абстрактный, рационалистический». Неподвижное, вечно себе равное «бытие» Парменида представляет метафизическую сущность, оторванную от явления, за которым отрицается реальное существование. «Отрыв материи от конкретной материальной действительности заключает в себе опасность идеалистического перерождения учения—превращения «сущности», «бытия» в пустые («чистые») понятия» (стр. 72). Здесь уместно вспомнить глубокое и остроумное замечание Ленина: «Умный идеализм ближе к умному материализму, чем глупый материализм. Диалектический идеализм вместо умный; метафизический, неразвитый, мертвый, грубый, неподвижный вместо глупый»<sup>1</sup>. Именно потому элеаты, обнаружив противоречивость явлений природы, не сумели понять ни диалектики природы, ни диалектики понятий.

Ясно и убедительно опровергаются апории Зенона, основанные на непонимании единства непрерывности и прерывности.

Второй раздел тома трактует философию периода расцвета древнегреческой рабовладельческой демократии, характеристике которой посвящен ряд страниц. В начале этого периода стоят Эмпедокл и Анаксагор. Правильно авторы подчеркивают материализм Анаксагора, которого идеалисты всегда пытались приписать к своему лагерю. Но: Анаксагора не есть духовная субстанция, первичная по отношению к материи,

<sup>1</sup> Ленин, «Философские тетради», стр. 282.

«ибо материя существовала вечно и никем не создана; «нус» не есть также телеологический принцип, строящий мир как разумную, планомерную систему... Назначение его в системе Анаксагора—дать первый толчок материи» (стр. 92). В теории познания Анаксагор также исходит из данных чувственного мира.

Подробно, отчетливо и полно представлена атомистическая система Левкиппа и Демокрита. «Принцип движения материи составляет основу всей атомистической системы» (стр. 99); постановка проблемы самодвижения материи «была величайшим достижением материалистической мысли». Историки философии обычно клеветают на Демокрита, обвиняя его в беспомощности в области теории познания, приписывая ему субъективно-идеалистическое понимание восприятия явлений. Клевета на материализм всегда была излюбленным методом борьбы против него. Эпикуру, по свидетельству Диогена Лаэртца, при жизни приходилось немало терпеть от клеветников; о том же имеются сведения в сочинениях самого Эпикура. В книге показано, что в области теории познания у Демокрита имеются ценные идеи. Конечно, ни Демокрит, ни Эпикур не сумели последовательно материалистически объяснить процесс познания—теория «идолов» была слишком наивной попыткой такого объяснения; они не сумели правильно разрешить и проблему качества. Но сама проблема поставлена материалистически. Вместе с тем «эмпиризм атомистов не помешал им понять важную роль *разума*» (стр. 111).

Конечно, как и все материалисты до Маркса, Демокрит идеалистически объяснял явления общественной жизни. Но ведь к атомистам древности надо подойти с исторической меркой. «Историческое значение атомизма Левкиппа и Демокрита огромно. Материалистическая философия Демокрита оставила глубокий след на всем дальнейшем развитии философии. Атомистическое объяснение природы оказало большое влияние на развитие естествознания, обогатив его ценнейшей гипотезой, которая толкала опытное исследование вперед и позволяла объединять в цельную систему разнообразные наблюдения.

!Всеобщий закон причинности, сформулированный Левкиппом и Демокритом, вошел в железный инвентарь науки.

Учение о бесконечности мирового пространства и механическая теория возникновения небесных тел кладут начало научной космогонии.

Выдающееся значение имел античный атомизм и в истории атеизма» (стр. 115).

Глава о софистах дает в общем правильную оценку философских взглядов наиболее видных представителей старшего поколения, хотя недостаточно освещена просветительская роль софистики, ее общественная функция, связанная с ростом и массовым распространением греческой культуры периода ее расцвета.

Несколько сжато изложена система Платона. Именно потому, что Платон—враг материализма, было бы полезно показать, в чем была сила обаяния Платона, почему он занял столь выдающееся место в истории философии. Дело здесь не только в том, что идеализм Платона соответствовал настроениям и классовым интересам рабовладельцев периода кризиса афинской демократии, но и в том, что Платон сумел отразить эти настроения и интересы наилучшим образом, выдвинув новые идеи и новые общественные идеалы.

Центральное место во втором разделе, да и во всей книге, занимает глава VI—«Аристотель». Это—небольшая монография, в которой с подкупающей методической четкостью охарактеризована многообразная научная и философская деятельность этого корифея греческой философской мысли.

В главе разбираются отдельно учение Аристотеля о бытии, о движении, о душе, о познании, логика и диалектика, учение о природе, о государстве, о нравственности, обществе. Показаны все колебания Аристотеля между идеализмом и материализмом, вместе с тем подчеркивается все прогрессивное, материалистическое в учении Аристотеля, который вплотную подошел к материализму, особенно в теории познания. Особенно ценна проделанная Аристотелем критическая работа. «Когда один идеалист критикует основы идеализма другого идеалиста, от этого всегда выигрывает материализм. Ср. Аристотель *versus* Платон etc., Гегель *versus*

Кант etc.»<sup>1</sup>. В критике идеализма обнаруживаются сильные черты гения Аристотеля, в критике материализма—слабость и эклектизм.

Философия периода упадка Греции составляет тему раздела третьего. Здесь рассмотрены школы академиков, перипатетиков, стоиков, скептиков, эклектикон. Отдельная глава посвящена Эпикуру. В главе об Академии особо стоит отметить ясное изложение аргументов Карнеада против религии. Эти аргументы во многом не потеряли силы и убедительности до сих пор.

Изложение системы стоической философии представляет особые трудности, так как на протяжении веков изменялись и методы, и принципы, и даже самый предмет философии стоиков. Более или менее стойкой была физика стоиков, поэтому она легче поддается концентрическому изложению. Гораздо труднее гносеология стоиков, которые не выработали по этому вопросу единого учения и колебались от материализма к идеализму. Позднее стоики выдвинули на первое место вопросы морали, которые подробно разбираются в книге, в разделе римской философии, при анализе философии Сенеки и Эпиктета.

История римской философии занимает в «Истории философии» сравнительно мало места, что объясняется характером философии римского периода. Время великих достижений прошло. Эклектизм, мистика, морализующие тенденции характеризуют в основном философию этого периода, которая в конце концов сливается с христианским богословием. Единственным светлым явлением на этом сером фоне была гениальная поэма материалиста и атеиста Лукреция.

Возникновением и первыми шагами христианской философии, вернее богословия, заканчивается изложение античной философии.

Первый том «Истории философии» отвечает давно назревшей потребности и требует, несомненно, ряда переизданий. Уместно, поэтому, теперь же высказать несколько пожеланий о дальнейшей работе над томом.

Было бы желательно не ограничиваться изложением *античной* философии, а дать и некоторые сведения о философии других народов древности. В частности, большой интерес представляет древнеиндийская философия, выдвинувшая ряд материалистических систем, в том числе атомистическую. В Китае также наряду с религиозно-философскими учениями была и светская философия, проводившая материалистические идеи.

К сожалению, старая схема изложения материала не дала места ни древнеиндийской, ни древнекитайской философии.

Полное отсутствие библиографии в «Истории философии» явится препятствием для читателя, который захочет углубленно изучать античную философию. В книге имеются ссылки на греческие и римские источники, но не на литературу. Не упоминаются такие основоположные работы, как Н. Diels, Doxographi graeci; e g o ж е, Fragmente der Vorsokratiker (на русск. яз. А. М а к о в е л ь с к и й, Досократики); Н. U s e n e r, Epicurea; E d. Z e i l e r, Philosophie der Griechen и другие, без которых этот том не мог бы быть написан. Нет также перечисления и характеристики дошедших до нас произведений античных философов, хотя они иной раз называются в тексте и цитируются в сносках. В некоторых случаях названы произведения, но не все. Так, в главе об Эпикуре указаны лишь три письма (теперь их известно четыре), но не названы *xúpiaí óbxiá*; последнее тем более досадно, что некоторые из них найдены на территории СССР, в Пантикапее.

Во введении было бы желательно найти характеристику и критику буржуазных «историй философии», что помогло бы читателю понять и усвоить марксистский метод изучения истории философии.

В изложении истории философии римского периода следовало бы уделить место также Апулею, Лукиану и, особенно, Плутарху, который много раз цитируется в тексте. Большого внимания заслуживает Порфирий, который сыграл в истории неоплатонизма во всяком случае не меньшую роль, чем Прокл.

<sup>1</sup> Л е н и н, «Философские тетради», стр. 289.

В дальнейших изданиях было бы желательно сделать изложение более историчным, связав философию со всей культурой (литературой, искусством) и давая более развернутую характеристику развития как внутри отдельных школ, так и в смене школ и направлений. Энгельс писал в статье «Бруно Бауэр и первоначальное христианство»: «Если классическая греческая философия в ее последних формах (особенно в эпикурейской школе) привела в атеистическому материализму, то греческая вульгарная философия вела к учению о едином боге и бессмертной человеческой душе» (т. XV, стр. 604). О «позднейшей греческой вульгарной философии» пишет Энгельс и в «Анти-Дюринге» (т. XIV, стр. 323). Читатель вправе ожидать, что в «Истории философии» эта «позднейшая вульгарная философия» будет показана в ее характерных чертах.

Авторы подходят к изучаемым ими явлениям исторически, оценивая их в соответствии с условиями, местом и временем. Так, об элеатах мы читаем: «Постановка гносеологической проблемы элейской школой была шагом вперед в истории философии, хотя элейцы подошли к этой проблеме метафизически и не смогли дать ее правильного разрешения» (стр. 68). «Апории Зенона, вопреки их метафизическим выводам, поставили эту проблему перед философией. В этом их выдающееся историческое значение» (стр. 76) и т. п. Поэтому, пожалуй, лишней является такая схематизмом отдающая фраза, как «господствующий класс рабовладельческого общества выдвинул в качестве своего идеолога Гераклита Эфесского» (стр. 50).

В книге имеются неточности и фактические ошибки; особенно много их в главе «Исторические предпосылки римской философии». «В 133 г. восстали рабы в Иллирии под предводительством Аристониды» (стр. 312); в действительности восстание произошло в Пергаме (в Малой Азии) под предводительством Аристоника. Восстание рабов в Сицилии датируется по старой работе К. Бюхера, тогда как в науке эта датировка давно отвергнута. Землю в Риме измеряли не «моргенами» (там же), а югерами. «Восстания рабов и ремесленников под предводительством Катилины» (там же) история Рима не знает. Столицу перенес в Византию не Диоклетиан (стр. 314), а Константин. Лукиан несколько раз неправильно назван «александрийским» сатириком; неправильно также указано, что Энгельс назвал Лукиана «римским Вольтером»: он назвал этого греческого писателя «Вольтером классической древности». Ко II в. до н. э. Рим не покорил перечисленных на стр. 310 стран. Умерший в 55 г. до н. э. Лукреций не мог быть «свидетелем диктатуры Цезаря» (стр. 321). Ни знаменитого, ни незнаменитого противника Цезаря по имени Кай Кассий Крапп (стр. 370) история не знает. Убийца Цезаря был Децим Юний Брут, а не Марк Децим Брут (стр. 326). Неверно, что, по Филону, «духовное первоначало есть Иегова» (стр. 369); по Филону, бог—*ἀρρητος* (неизреченный), *ἀποιος* (бескачественный) и ничего общего не имеет с антропоморфным иудейским богом; а имя «Иегова»—искажение имени Ягве, впервые появляющееся в XIII в. Нельзя определять богословские взгляды Филона как агностицизм, хотя бы «своеобразный» (стр. 370).

Очевидно, в последующих изданиях подобные досадные ошибки будут устранены.

Неточности имеются и в цитатах и ссылках. На стр. 45 и 47 приводится одна и та же цитата из Аристотеля, но ссылки даны на разные места «Метафизики». На стр. 56 дана цитата из Плутарха со ссылкой на «de esu»; в действительности цитата взята из другого произведения Плутарха—«de ei in Delphis». На стр. 53 приведена непонятная цитата: «Периоды, Солнце их управитель и наблюдатель, устанавливает» и т. д.; здесь слово «периоды» по ошибке попало в начало фразы из конца предыдущей фразы в греческом оригинале. Неправильно даны в сносках на стр. 297 ссылки на Диокла Магнейского. Надо будет тщательно проверить все цитаты и сноски.

Издательство «постеснялось» приложить к книге список опечаток, которых, к сожалению, в книге немало, особенно в иностранном тексте.

Все эти надочеты будут, конечно, устранены в последующих тиражах.

Вышедший первый том «Истории философии»—результат серьезной исследовательской работы ряда крупнейших ученых. Читатели с нетерпением будут ждать выхода

дальнейших томов этого ценного издания, которое должно сыграть немалую роль в марксистско-ленинском воспитании, в расширении культурного горизонта и углублении знаний советской интеллигенции.

А. Ранович

*Урартские памятники музея Грузии.* Издал Г. В. Церетели. Институт языка, истории и материальной культуры им. Н. Я. Марра Грузинского филиала АН СССР. Тбилиси, 1939. Тираж 500 экз. 77 стр. и 32 табл. Цена 40 руб.

В изданиях Грузинского филиала АН СССР вышел в свет давно ожидаемый и крайне необходимый труд «Урартские памятники музея Грузии». Богатое собрание ценнейшего исторического материала, накопившегося в течение длительного ряда лет и сосредоточенного в названном музее, ждало своего исследователя, который приложил бы кропотливый труд для издания этого собрания полностью и таким образом дал бы возможность пользоваться им не только одиночным посетителям первоклассного музейного хранилища, а также и широким кругам специалистов—историков и лингвистов. Такой исследователь нашелся.

Четкость публикации и прекрасно выполненные фототипии делают настоящую работу настольной книгой для каждого, занимающегося языком древнего Вана, и ставят ее в ряд с другим, равным образом прекрасным изданием—«*Coprus inscriptionum Chaldaicarum*», которым наука обязана недавно умершему проф. Леманн-Гаупт, крупнейшему авторитету в этой области.

Издание такого рода исторического материала по первоисточнику и исчерпывающее его комментирование являются несомненной заслугой автора данного труда—Г. В. Церетели. Его работа в значительной степени облегчит дальнейшее освоение языка урартских памятников, дающих древнейшие письменные сведения о нашем Закавказье. Эта работа привлечет к себе внимание как всякого, кто интересуется его древнейшими судьбами, так и специалиста, углубляющегося в изучение современных и древних языков Кавказа и Передней Азии. Будем надеяться, что она послужит примером для ряда других и в итоге даст полную, по оригиналам проверенную серию всех наличных в СССР письменных памятников этого исключительно интересного периода истории народов закавказского Двуречья—периода, почти непосредственно предшествующего государственным образованиям в нем.

В этом направлении и первую очередь хотелось бы видеть такие же издания урартских надписей, хранящихся в музеях Армении, затем, крайне желательна присоединенная к ним новая публикация таких же надписей, сохранившихся *in situ* в различных местностях ССР Армении, и, наконец, сводное издание всех остальных текстов того же периода, найденных и сохраняемых вне границ СССР, но повествующих о походах древнего Вана в бассейны Аракса и Куры. Научные круги лингвистов, а также историки-кавказоведы давно мечтают о подобного рода публикациях, начало которым ныне уже заложено трудом Г. В. Церетели.

Едва ли кто-либо будет оспаривать положительные стороны этого труда. Они ясны каждому, кто будет им пользоваться. Автор не ограничивается одним только воспроизведением текстов. Он в исчерпывающем виде приводит имеющуюся по ним довольно обширную литературу, он полностью овладел ею в тех заданиях, которые он перед собою ставит, подвергает ее критической проверке и, в итоге, не скрывает своих собственных выводов. Таким путем критического просмотра ряда высказываний по отдельным вопросам лексики и грамматики Г. В. Церетели выработал свою основную линию, иногда примыкая к тем или иным заключениям других исследователей, иногда не соглашаясь с ними и оставляя их как спорные, иногда же выдвигая свои собственные новые взгляды, но всегда выступая с вполне обоснованной аргументацией. Принять их или не принять—это дело других ученых, но факт остается фактом: автор последователен, выдержан во всем ходе своей работы. Он знает свой материал, так же как